

Лада ПРОКОПОВИЧ

РАССКАЗЫ

Что растет на елке?

Лозунг о том, что для детей нужно все делать как для взрослых, только еще лучше, давно стал прописной истиной. Другое дело, что понимание того, что значит "лучше" — у каждого свое. В том числе и у издателей детских книг.

Есть, например, совершенно роскошная, огромного формата книга "Мир животных". Появление этой книги в нашем доме стало для нас настоящим праздником. Мы подолгу рассматривали чудные фотографии зверей, птиц, рыб... Читали интригующие комментарии: "Морской конек. Новорожденные морские коньки растут в сумке на животе отца, питаясь его кровью". Для меня как для матери подрастающего одесского оболтуса этот факт стал некоторым утешением. Значит, не все дети пьют кровь из своих матерей. Некоторые, вот, пьют ее из отцов.

Ох, мудра природа! Мудра. Но изображение клеста стало почему-то смущать. Что-то здесь было не так. Я долго приглядывалась к птичке, пока не поняла, что дело не в ней, а в ветке, на которой она сидит.

— Смотри, Игорь, — говорю я мужу, — ветка еловая, а шишка на ней — сосновая!

— Действительно... Вот что значит компьютерный дизайн. Лепят, что хотят! А дети на этом растут. Потом вырастают и попадают в такие истории, — сказал Игорь и подал мне не то сказку, не то быль.

* * *

Жена профессора Долгорукова под Новый год купила на Привозе еловые ветки с шишками.

— Смотри, Вольдемар, — восхищенно щебетала она, — какие прекрасные ветки! Какая густая ароматная хвоя! Какие живописные шишки!

— А ты знаешь, дорогая, что на елках шишки не растут? — профессорским тоном охладил ее восторг супруг.

— Как?! — ошеломила она. — А это что?

— А ты посмотри внимательней: они же провололочкой прикручены.

Жена надела очки. Присмотрелась.

— Да... но...

Это "но" не давало ей покоя целый год. До следующего Нового года. Тогда она опять купила еловые ветки. С шишками. И они (ну что ты будешь делать!) тоже оказались прикрученными к веткам тонкой провололочкой.

Она хоть и не профессор, а только жена профессора, но прекрасно знала, что в науке один факт — это ничто, а ряд повторяющихся фактов — это уже объективная закономерность.

Пришлось таки признать, что на елках шишки не растут.

О своем открытии супруги поведали другу — профессору Нестанову. Тот был ошеломлен:

— Да вы, что, ребята?! Елок никогда не видели? Как это — елки без шишек?!

— А вот так! Они их провололочкой прикручивают.

— Ну это, наверно, чтобы они не обломались при транспортировке... Да и не на каждой красивой ветке растут красивые шишки... Но это не значит, что они вообще на них не растут!

Но переубедить новоиспеченных натуралистов было невозможно.

Тогда профессор Нестанов во время очередной поездки на дачу специально свернул в соседний лесок, чтобы сломать еловую ветку с шишками.

Как величайшее сокровище вез он эту ветку в Одессу, своим друзьям.

Того требовала научная истина.

Того требовало желание хоть как-то противостоять нашей жуткой всеохватывающей, всепроникающей (кхе-кхе) урбанизации.

Женские слезы

— Что делают с нашей Одессой?! Почему уничтожают деревья? — возмущается няня двухлетней Сонечки, обходя президентским взглядом городской парк. — Раньше, когда в Одессе цвела акация, ее запах доходил до Турции!

Мое воображение тут же нарисовало экзотическую сказочную страну, жители которой, побросав вдруг все свои дела, стали приносиваться... приносиваться... Ну, точно! В Одессе акация зацвела!

— Понасадили везде этих каштанов, — вернул меня из Турции голос няни. — Куда ни глянешь, кругом каштаны, каштаны...

— Они тоже красиво цветут, — вступилась за каштаны.

— Ну и что? Разве это наше дерево?

Тут уж я возражать не стала.

Увлеченные этой беседой, мы не заметили, как Соня, не разделявшая нашей тревоги о судьбах зеленых насаждений, заскучала, потом стала тихонько похныкивать, а под конец совсем разревелась. Няня, которая теперь уже никак не могла игнорировать присутствия своей воспитанницы, подвела ее к первому попавшемуся дереву. Та обняла дерево, пару раз всхлинула и успокоилась.

— Самый эффективный способ! — заметила няня. — Сейчас кору начнут обдирать.

И действительно, Соня, забыв о том, что ей нужно плакать, стала самозабвенноковырять пальцем ствол полуголого платана.

— Правильно, Соня, — сказала я, — на Руси испокон веков бабы плакали у березок. Правда, это — не совсем березка... Но ведь и мы — не простые бабы! Мы — одесситки. Значит, плакать должны у платанов.

Не у акаций же!

расписались за час до ее отъезда по распределению. Молодоженом пришлось отложить брачную ночь — во всяком случае, формальную: Седому оставалось еще год учиться.

В положенный срок семья воссоединилась и получила сначала общежитие, а когда родился Костик — двухкомнатную квартиру, правда, служебную. А еще через год приехала и устроилась в театр Анина заклятая подруга Муська и с изумлением увидела, что в доме Седых царит порядок. Анютка — умереть можно! — стирает, готовит всякую там говядину с черносливом и даже переделывает себе мужнины рубашки в шикарные блузоны — мол, соседка из Польши привезла.

Правда, в театре ходил шушок, что Анке только борщи варить, а не на сцене играть. Но распускали его злые языки, потому что дарованием ее бог не обидел. Играла она, в основном, служанок. Действительно, может ли быть герцогиня Мальборо с дерзко вздернутым носом и при таком теле? Зато ее Лиза из "Горя от ума" была так озорозительна и сексуальна, что вполне можно было понять Молчалина. Но особенно удавались Анне русские бабы — глупые снаружи, но добрые внутри. Она не стеснялась казаться некрасивой, смешной. Играла с удовольствием — даже слоненка в сказке. Сама разыскала огромные распотанные валенки, которые носил ее слоненок, и постоянно в них запутывался. А дети в зале падали с кресел от смеха.

Седой играл недолго. Обнаружился у него талант менеджера. Сначала директор взял его замом, потом он открыл собственную фирму под названием "Артисты, на выход!". В свободные от спектаклей и репетиций вечера актеры исполняли роль тамады на свадьбах и вечеринках, в Новый год "морозили", летом с юмористическими программами делали "чес" по санаториям.

Поначалу удача улыбалась артистам на выход. Седой и сам охотно вел программы. В зимние каникулы отбоя не было от любящих родителей — пригласить Деда Мороза со Снегуркой. Только вот беда — слишком радушно встречали они гостей. Анна не могла ездить с мужем, чтобы контролировать ситуацию. Что за внучка — ростом с дедушкой? А миниатюрная Муська по ночам привозила бесчувственного Деда и сдавала ей. На вечеринках было то же самое. Так мужнин бизнес обернулся Анне боком. К тому же заслуженные и народные спохватились и вслед за молодымком организовали свою фирму. Конъюнктура работала на них. Ведь пупкиным гораздо приятней приказать "Давай, клоун, врежь анекдот!" народному артисту, а не просто артисту. А несчастья продолжались. Партнер нагрел Седого, исчезнув с кассой. Естественно, деньги исчезли и в семейной кошелечке. Время от времени Анюта посылала мужа на все буквы алфавита, а тот в оправдание говорил, что нашел спонсора, расширяет бизнес, и доход скоро будет. Правда, в отсутст-

вии шального заработка была и светлая сторона: Седой ходил трезвым как стеклышко. Чтобы прокоррмить и не ущемлять запросы выходящего в тинэйджеры Костика, пришлось Анне пойти уборщицей в кафе "Пенистый бокал". Не отойдя от вечернего спектакля, злая на мужа и на весь белый свет, она вставала в пять и плелась в другой микрорайон...

Анна сварила обед, покормила вернувшегося из школы сына и начала собираться. Она была рада, что муж не сможет пойти с ней. Впервые, он всегда подходил к ее рабочему чересчур критически, во-вторых, ему наверняка не понравился бы сюрприз, который она приготовила на вечер.

По дороге в театр Анну не покидало легкомысленное настроение. Она решила: обязательно осуществит задуманное. А там — будь что будет! Купила поллитровку. За кулисами разыскала монтировщица Гогу, долго что-то шептала ему, жестукировала, потом дала водку. В шесть она уже гримировалась. Нарумянила щеки и обвела коричневый нос. Волосы над ушами зацепила резиночками, получились уши. Влезла в розовый комбинезон. Слава богу, режиссер не заставил ее подложить толстинки. Просто на комбинезоне было крупно выведено: "Я — свинья".

Пьеса Анне нравилась. Это была комедия из сельской жизни. Хозяин разводит всякую живность. Одна молодая свинка немного умеет думать и мечтать. Мысли ей хватает на то,

Анатолий МАЗУРЕНКО НАГРАДА ЗА ПРЕДАННОСТЬ**Елена Грушина и Руслан Гончаров — призеры Олимпиады-2006!**

Много лет назад в беседе с Галиной Змиевской, подготовившей двух олимпийцев, неожиданно услышал довольно иронический отзыв о фигуристах, занимающихся танцами: ка-таешься, мол, себе в удовольствие, да еще за девушку держишься. Что ж, они, великие, наверное, имеют право на особое мнение. И если смотреть на вещи формально, то основания для снисходительной улыбки имеются. В самом деле, в отличие от одиночного и парного катания в танцах нет прыжков, а количество поддержки строго ограничено. Поэтому риск растянуться на льду на глазах судей и публики практически отсутствует. Каждое падение воспринимается как нечто экстраординарное. Так во сколько вольт измерятся напряжение Олимпиады, если в Турине один за другим падали на лед фавориты — Барбара Фузер-Поли и Маурицио Маргальо, Маргарита Дробязко и Повилас Ванagas, Мари-Франс Дюбре и Патрис Лазон?!

А Грушина с Гончаровым устояли. Устояли не только в Турине. На протяжении многих лет им приходилось бороться с судьбой, фортуной, судейским предубеждением. Но они оставались преданными делу, которому посвятили всю жизнь, — фигурному катанию.

Конкуренция в танцах на льду сегодня — сумасшедшая. Слоган олимпийской деревни — "Здесь живет страсть" — можно было смело вывешивать перед входом в Palavela, где вели спор фигуристы. Перед Играми в стане танцоров вообще творилось нечто невообразимое. Лишь россияне Татьяна Навка и Роман Костомаров стояли как-то особняком — все-таки бесспорные лидеры последних двух сезонов. А после них — неожиданность за неожиданностью. После четырехлетнего (!) отсутствия вернулись на лед бронзовые призеры Олимпиады в Солт-Лейк-Сити итальянцы Фузер-Поли и Маргальо. После трехлетнего — экс-чемпионы мира литовцы Дробязко и Ванagas. Болгары Албена Денкова и Максим Ставицкий ради подготовки к Играм пожертвовали чемпионатом Европы. Канадке Белбин Госдепартамент США ранее положенного срока предоставил американское гражданство, и таким образом образовался еще один конкурентоспособный дуэт Тани Белбин — Бенджамин Агосто, выигравший в прошлом году "серебро" чемпионата мира.

Что бы ни говорили об объективности арбитров в фигурном катании, они тоже люди. Тут от одного перечисления претендентов на медали голова кругом идет, а ведь есть еще личные пристрастия. И началось! После Равенбургского вальса на первом месте оказались... итальянцы. За ними шли россияне, следом — болгары и канадцы. Грушину с Гончаровым поставили лишь на пятую позицию, американцев — на шестую.

И все-таки справедливость восторжествовала! Оригинальный танец вернул турнирную таблицу логику. Навка — Костомаров, Белбин — Агосто, Грушина — Гончаров — в таком порядке расположились дуэты перед произвольной композицией. Причем разница в баллах между конкурентами была минимальной.

чтобы считать: раз хозяина соседи зовут Лексеич, значит, и ее имя — Лексеич. А мечтаний — на то, чтобы очень хотеть полетать. Покружить над сараем, над двором, увидеть, что там, за изгородью. Свинка просит воробьев научить ее летать, но они чирикают, а как понять их язык? Вот и остается свинке глядеть в небеса, подперев голову руками — или ногами? — вздыхать, страдать от ожирения и горестно хрюкать. В финале Лексеич-человек надумывает жениться. А что за свадьба без тушеной картошки с мясом? Хозяин, понурился от жалости голову, походит к Лексеичу-свинке, а та, в силу своей неординарности, вроде понимает его и вроде прощает. Такая вот комедия с трагедией в подтексте. Анне развязка категорически не нравилась. Ее героиня — такая умница, фантазерка — не должна погибнуть. Но что поделает, автор и режиссер распорядились по-своему.

Еще до выхода на сцену Анна глянула в дырочку в занавесе. Вадик высидел в первый ряд, и пыль со сцены аккуратно ложилась на его светлый костюм. Он этого не замечал, поскольку был занят нервничанием. Оглядываясь, суелится, не пустил на свободное место патлатую девицу.

Когда по ходу действия Анна впервые вышла на сцену, она хрюкнула и остановилась аккуратно против его кресла. Вадик превратился в соляной столб. Она уселась на старую телегу и нахально подмигнула ему. Мужик оказался с юмором. Он

Состязания сильнейших открывали одесситы. Все свое мастерство, все эмоции, накопившиеся за годы изнурительных тренировок, вложили они в это выступление. И судьи не смогли не отреагировать — на дисплее высветились гротескнейшие баллы. Но до самого последнего выхода на лед французов Изабель Делобель — Оливье Шонфельдера, отчаянно пытавшихся сместить Елену и Руслана с пьедестала, не было ясно, чем завершится это хождение по лезвию бритвы — такое внешне эстетское и легкомысленное.

Итоги известны. Чемпионами стали Навка и Костомаров. "Серебро" отдали Белбин — Агосто. Лишь 0,21 балла уступили им наши земляки.

А начиналось все на "Льдинке", откуда вышли все наши "звезды". Оба считались подающими надежды одиночками, пока Александр Тумановский не решил объединить их в пару. И, надо признать, первый тренер оказался провидцем: они не только выросли в высококлассных спортсменов, но вскоре стали мужем и женой. Но это потом, спустя годы, и уже не при Тумановском. Ему после закрытия катка в Одесском дворце спорта пришлось уехать в Киев. Его подопечные тоже вынуждены были искать свою спортивную судьбу за пределами родного города и даже страны.

В 1997 году их взялась тренировать олимпийская чемпионка Наталия Линичук, работающая в США. Она прислала им вызов в Америку. Чтобы купить билеты на самолет, Руслан продал машину. Тренер договорилась об их проживании и питании при Деловарском университете. Но для достижения цели, да просто для того, чтобы полноценно жить, нужны были деньги. И ребята в перерывах между занятиями фигурным катанием трудились официантами в "Макдональдсе", приходилось и посуду мыть.

Сотрудничество с Линичук немало дало фигуристам в плане профессионального роста, однако арбитры по-прежнему упорно не желали замечать их прогресса. После олимпиады в Нагано, где они заняли 13-е место, стало ясно: необходимо что-то менять. Их согласилась взять под свою опеку легендарная Татьяна Тарасова. Это был знак: Тарасова лишь бы с кем работать не будет. Катание одесситов засверкало новыми красками, но путь в элиту по-прежнему был закрыт. 9-е место в Солт-Лейк-Сити, казалось, способно выбить из седла самого большого оптимиста, но только не Грушину с Гончаровым.

После того как Т. Тарасовой поступило предложение стать консультантом российской сборной и войти в состав президентского совета по спорту, она уехала в Москву. Одесситы остались на попечении хореографа Николая Морозова. И он, признанный мастер ледовой хореографии, неожиданно для многих оказался прекрасным тренером! Лед тронулся: в 2004 году Елена и Руслан завоевали "бронзу" чемпионата Европы, в 2005-м на континентальном первенстве финишировали вторыми, а на мировом — третьими, на Евро-2006 — снова "серебро". Так что, "бронза" Олимпиады в Турине ценна прежде всего тем, что завоевана она не благодаря благоприятному стечению обстоятельств (как любят повторять спортсмены, "фарт фарту фарт"), а явилась следствием многолетнего упорного труда.

сжал губы, чтобы не расхохотаться, и поднял руку с вытянутым большим пальцем — мол, нормалек, так держать. И даже горделиво осматрел соседку — мол, и мы причастны к большому искусству.

Спектакль гладко катился по дороге, наезженной во время репетиций. Актриса Седая, вдохновленная новой любовью, выдавала такие номера, что свинку Лексеич публика полюбила всей душой.

Приближался финал. Хозяин уже направился с понурой головой к животине, как вдруг та... взлетела. Не то чтобы в небеса, и не по прямой, а взад-вперед. Но все же взлетела! Веревку было видно, блок скрипел, но по залу пронесся гул восхищения. На верхней точке амплитуды Анюта зависла чуть не над креслом своего Ромео. Тот даже руки вытянул, чтобы ее принять! А она подумала: хорошо бы упасть в его объятия и... Нет, она так не подумала. Она подумала, что ее все устраивает в этой жизни. Ничего другого ей не нужно! С этой мыслью она рыскаючи улетала за кулисы и, едва успев пожалеть, что дала Гоге бутылку до спектакля, рухнула на пол. Ударилась не сильно, но все-таки больновато.

К Анне подскочил главреж с перекошенной физиономией и прошипел: "Завтра же уволю, мать твою!". А она лежала на отшибленном боку, улыбалась и понимала, что счастливый финал ему понравился. Но на всякий случай у нее был запасной аэродром: в дневную смену можно работать в кафе посудомойкой.